

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Копач О. И. Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии : от перцепции наблюдателя к моторике деятеля / О. И. Копач // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 51—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71.

Kopach, A. I. (2025). Theoretical Aspects of Linguistic Research on Category of Space within Toponymy: From Observer Perception to Agent Motor Skills. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 51-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Теоретические аспекты
лингвистического
исследования
категории пространства
в пределах топонимии:
от перцепции наблюдателя
к моторике деятеля**

Копач Олег Игоревич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
aleh@bk.ru

Минский государственный
лингвистический университет
(Минск, Беларусь)

**Theoretical Aspects
of Linguistic Research
on Category of Space
within Toponymy:
From Observer Perception
to Agent Motor Skills**

Aleh I. Kopach
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
aleh@bk.ru

Minsk State
Linguistic University
(Minsk, Belarus)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема недостаточной вовлеченности данных моторики освоения пространства человеком в исследования географических имен. Обосновывается конструктивистский подход к формированию топонимии как когнитивной области ориентирования на местности. Иллюстративным материалом служат имена всех типов топообъектов шести историко-этнографических зон Беларуси. Показано, что декларативность внимания к топонимам с пространственной семантикой и сложность определения значений географических имен обусловлены недооценкой фактора перемещения субъекта в значимом пространстве. Выявлена принципиальная роль грамматики для экспликации значений топонимии и их связанности в пределах когнитивной области. Автор подчеркивает адаптивную роль сознания при ориентировании, его нацеленность на выход за пределы локальных фигу-ро-фоновых отношений объектов и выстраивание пространственной семантической сети. Утверждается, что конститутивный фактор формирования обыденной топосистемы — позиция объектов относительно референтных точек пространства, значимого для местного жителя, а не обособленные узлокальные ситуации взаимодействия пар локально связанных реалий. Представлена специфика реализации в топонимии систем пространственной референции, на их основе определены референтные точки топосистемы и единицы базисной модели ориентирования, показана роль аналогии в переносе структуры единиц на имена, транслирующие непространственные значения.

Ключевые слова:

топонимия; пространственная семантика; ономастика; моторика освоения пространства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper addresses the issue of insufficient integration of human spatial exploration motor skills in the study of geographical names. A constructivist approach to the formation of toponymy as a cognitive domain for navigation is advocated. The illustrative material consists of names from all types of topographical objects across six historical and ethnographic zones of Belarus. It is demonstrated that the declarative nature of attention to toponyms with spatial semantics, along with the complexity of defining the meanings of geographical names, stems from an underestimation of the subject's movement within significant spaces. The fundamental role of grammar in elucidating the meanings of toponymy and their interconnectedness within the cognitive domain is highlighted. The author emphasizes the adaptive role of consciousness in navigation, its orientation towards transcending local figure-ground relationships of objects, and constructing a spatial semantic network. It is asserted that the constitutive factor in forming an everyday toposystem is the positioning of objects relative to reference points in space that are significant for local residents, rather than isolated, narrowly localized situations involving pairs of locally connected realities. The paper presents the specifics of implementing systems of spatial reference in toponymy, identifying reference points within the toposystem and units of a foundational model for navigation, while also demonstrating the role of analogy in transferring the structure of units to names that convey non-spatial meanings.

Key words:

toponym; spatial semantics; onomastics; motor skills in spatial exploration.

УДК 81'373.21

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии: от перцепции наблюдателя к моторике деятеля

© Копач О. И., 2025

1. Введение = Introduction

Категория пространства в работах ученых долго оставалась в тени категории времени [Жаров, 2014, с. 5], несмотря на наблюдаемость первого и возможность перемещения в нем человека. Не является исключением из этой тенденции исследование географических имен языковедами. Вопреки статусу топонимов как территориально приуроченных единиц, к осознанию важности учета их пространственной семантики для построения теории места лингвистика приходит позже других дисциплин [Ursini et al., 2023] и не сразу распознает скрытые в топонимах возможности для демонстрации характеристик обыденного восприятия пространства топообъектов и решения ключевых проблем ономастики и когнитивистики.

Начавшийся в социогуманитарных науках в 1970—1980-х годах «пространственный поворот» проникает в топонимику к 1990-м годам на волне антропоцентризма и приводит к формированию концепций с акцентом на репрезентацию топообъектов местности. Роль субъекта закрепляется за человеком со статусом *наблюдателя*, сознание которого воссоздает реалии и их перцептивные характеристики, поступающие из разных сенсорных модальностей и воспринимаемые с разных ракурсов. Несмотря на дискутируемый статус значения онимов, анализ семантики конкретных имен сводится к данным топооснов, принимающих пространственные и непространственные показатели объектов (см. обзор в разделе 2), или к сумме элементов имени, объединяемых концептуальным предикатом [Голомидова, 1998; Беляев, 2019].

Репрезентативный характер сознания, отстаиваемый в этих работах, вытекает из преимущественно изолированного изучения сенсорных и моторных процессов в когнитивной науке первого поколения [Величковский, 2006, с. 164]. Моторика освоения пространства, отражаемая в топосистеме, рассматривается как слабо выраженная.

Открытия в нейрофизиологии, подтверждающие связь сенсорных и моторных систем организма [Milner et al., 2006; Риццолатти и др., 2012], позволяют выдвинуть гипотезу о рассмотрении всех топонимов как знаков, изначально развивающих пространственную семантику, и поэтапном вовлечении в топорсистему новых объектов и типов их свойств при регулярном перемещении субъекта в знакомой местности. Предлагаемый новый статус последнего — *деятель*. Дилемма нулевого или энциклопедического проприального значения при такой интерпретации снимается его конструктивной трактовкой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы рассмотрим потенциал когнитивной науки для разработки модели топорсистемы, которая учитывает взаимосвязь перцепции и моторики человека и представляет географические имена как систему устойчивых конструкций, усваиваемых в речи, зависимых от окружения и используемых субъектом для ориентирования в значимом для него пространстве.

Такое рассмотрение имен важно как в контексте интеграции данных нейрофизиологии в лингвистическую теорию, так и по причине отсутствия описания механизма вовлечения непространственных форм имен в топонимию в существующих концепциях проприальной семантики.

В качестве методов исследования используются изучение литературы по теме исследования и теоретическое моделирование.

Иллюстрированию развиваемых в статье взглядов служат имена 4707 топообъектов Беларуси (ойконимов, гидронимов, микротопонимов), зафиксированные в печатных источниках [ННП, 2003; ТФ, 1979; БКБ, 1994; МБ, 1974]. Материал отобран методом сплошной выборки и представляет сведения об именах 12 районов из 6 историко-этнографических зон страны.

В лингвистических работах 1990—2020-х годов перемещение субъекта на местности не рассматривается как существенный фактор онимообразования.

Постсоветская наука, опирающаяся на традиции изучения географических имен как единиц лексикона, связывает движение субъекта в пространстве с ограниченным кругом онимов: топонимами-ориентирами, спорадически встречающимися единицами типа *Половинница*, *Путевой*, *Скородум* [Березович, 2009, с. 196] и названиями, перенесенными на смежные объекты, как показателями вовлеченности категории движения в процесс номинации [Ковлакас, 2021]. Чаще направленность топонимии на отражение пространственной семантики описывается в рамках систематизации

средств выражения категории локативности [Бакшеева и др., 2021; Гребнева и др., 2019; Зверева, 2019], постулируется как транслятор в имени одного из многих кодов культуры — пространственного [Васильева, 2022; Королева, 2020; Шевчук, 2021] — или одного из ряда слоев признаков концепта имени — локативного [Быканова, 2011; Кондратьева и др., 2016].

Западная когнитивная лингвистика, уделяющая внимание грамматике имен, постулирует их холистический статус, настраивая на понимание имени как неразложимой конструкции, обладающей собственным значением и функцией, а не как совокупности лексических концептов, объединяемых концептуальным предикатом. Рассмотрение составных частей этого единства допускается лишь в качестве дополнительного действия, характеризующего значения элементов поверхностной (языковой) структуры единиц, вторичных по отношению к значению целостной конструкции.

Исследователи, однако, пока лишь теоретически оценивают потенциал европейской онимии в контексте ориентирования субъекта, ссылаясь на ее непрозрачность [Reszegi, 2020, с. 28—30] и выстраивая предварительные психологические модели анализа [Reszegi, 2023]. В поисках функциональных топознаков специалисты обращаются к морфолого-синтаксической типологии имен разноструктурных языков [Stolz et al., 2020], своеобразию систем референции языков традиционных обществ, которые пользуются прозрачными названиями, описывающими объект или путь к нему [Cogos et al., 2017; Grammars ..., 2006]. Немногочисленные концепции, верифицирующие идеи когнитивной грамматики на материале топонимии Европы, выявляют кросс-культурные закономерности номинации объектов разных классов в ряде языков [Van Langendonck, 2007], значимость аналогии как инструмента выстраивания единообразных, но семантически противопоставленных названий в рамках микросистем типа ‘белый / черный пруд’ или ‘овечий ручей / овечьи пороги’, связь таких топонимов с их принадлежностью лингвистическому и географическому ментальным пространствам [Leino, 2006].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Значимость внесения субъекта и точки наблюдения, с которой он оценивает топообъекты, в когнитивные исследования указанного периода, невозможно переоценить. В то же время работы демонстрируют необязательность и невысокую продуктивность в именах грамматических показателей размещения и перемещения в пространстве, что приводит к оценке топонимов как знаков, регламентирующих присутствие в своем составе неконвенциональных средств выражения пространственной семантики (ср. семантика топооснов в именах *Белая возера*, *Камяніца* и др.).

Отступление от изучения всех географических имен как выразителей территориальной приуроченности их референтов является допустимым способом решения некоторых проблем топонимики, например, аксиологии означивания пространства этносом. Вместе с тем учет когнитивной области ориентирования, в рамках которой эти имена создаются, делает принципиальным показ мотивации отступления субъекта от экспликации пространственного статуса топонима в пользу описания формы, цвета и др. Первичность единиц, фиксирующих расположение реалий, осознается учеными [Бакшеева и др., 2021, с. 21; Васильева, 2022, с. 52; Шевчук 2021, с. 254], но остается декларативной: все имена характеризуются однопорядково — как реализаторы кодов культуры или слоев концепта.

Сказанное подводит к дискуссии о причинах существования непространственных обозначений топообъектов и возвращает к основному вопросу ономастики — о семантике онима. Очевидно, выявление последней через содержание, транслируемое основами, не приближает решений ни ключевого предмета обсуждения топонимики (значение vs. мотивированность имени), ни важнейшей для когнитивистики проблемы сознания. В свете неразрешенности дилеммы значения собственных имен связь мира, тела и психики в деятельности субъекта на материале онимов понимается как условная, фиксируя status quo, сложившийся в структуралистской ономастике.

Представление семантики топонимов, путей ее воспроизводства и расширения при выстраивании топосистемы видится возможным при рассмотрении их как холистических знаков, первичная цель которых — описание местоположения референтов имени, а не их непространственных свойств и лингвокультурных ассоциаций. Рассмотрение материала с таких позиций требует теоретического обоснования

- 1) философской базы и целевой направленности исследования;
- 2) когнитивной области, обслуживаемой именами и соотносимыми с ними знаковыми системами, а также характера ее концептуализации;
- 3) референтных точек пространства, значимых для представления области с позиции субъекта;
- 4) базисной модели категоризации пространства топообъектов, механизмов воспроизводства и расширения модели, соотнесенности лингвистических средств представления области и местоположения реалий.

3.1. Философские основы исследования пространства топообъектов

Когнитивный статус работы предполагает результативность ее вклада в решение проблемы сознания. Преодоление символического подхода когнитивистов первого поколения, уподобляющих сознание компьютеру и лишаящих познание деятельностного характера, физиологической, социально-

психологической, культурно-исторической обусловленности [Фаликман, 2014, с. 15], в современной науке связывается с обращением к телесности (воплощенности, эмбодименту) как смыслообразующему фактору освоения реальности [Varela et al., 1991; Gallagher, 2023].

Философская основа воплощенного познания — исследования феноменологов, представляющие пространственное освоение объекта как синтез перспектив его наблюдения субъектом при движении относительно него [Гуссерль, 2023], закрепление привычных для телесной организации человека движений в процессе познания реальности [Мерло-Понти, 1999], фиксация досягаемости и включенности в бытие субъекта значимых объектов его окружения [Хайдеггер, 2015]. Основная цель работ — преодоление дуализма сознания и мира, показ их нераздельности и взаимодействия.

Критикуя позитивизм за описание объективно-научного мира фактов, где нет места фактору человека, феноменология также призывает к учету явленности предметов сознанию в их изначальной целостности. Следуя этой установке, исследователь топоники способен выстроить методологию, связывающую функциональность онима с его знаковым единством и отказывающуюся от условной семантики топоосновы или аналитического разделения имени в пользу значений целостных топоконструкций.

Логика перехода топоники от подчеркивания ключевой роли топоосновы к демонстрации значимости всех составляющих имени как холистического знака определяется невозможностью посредством привычного поиска мотивации тополексем ни выявления семантики целостных единиц, ни демонстрации связанности их значений в пределах когнитивной области. Вторичность воплощения в именах результатов концептуализации предполагает подчинение действий субъекта по созданию системы ориентирования не поиску мотивировки для нового онима, а необходимость построить объект территории, регулярно наблюдаемый субъектом при перемещении в ее пределах, в имеющиеся представления о маршрутах [Siegel et al., 1975] и, связав объект с другими реалиями местности, означить его.

Такое неодномоментное вовлечение объектов в схемы движения представляется основанием для принятия идеи аналогичной поэтапной интеграции определенных свойств объектов в имена-конструкции конкретных зон пространства, в котором перемещается субъект. При этом в каждой новой зоне сохраняется семантика единиц предыдущей зоны, на которую «наращивается» новая семантика. Реалии приспособляются для обыденной оценки *наблюдателем* единичных свойств объекта, а *деятелем* — их удаленности от точки начала движения к нему.

Выбор подхода к проблеме соотносительности перцептивных процессов и моторной активности субъекта при концептуализации пространства яв-

ляется ключевым для определения стратегии исследования. Предыдущий опыт когнитивной топонимики базируется на обязательной репрезентации объектов в сознании и ограниченном внимании к моторике их освоения. Обращение к теории эмбодимента, признающей адаптивную ценность перемещения субъекта [Ноё, 2010], высвечивает взаимосвязь восприятия и действия. Следование теории делает излишним создание субъектом копии фрагмента реальности перед осуществлением моторной программы, принимает значимость сенсомоторных навыков субъекта и использование им мира как внешней памяти в процессе познания [O'Regan et al., 2001, с. 940—946].

Признание перцептивно-моторной координации действий субъекта определяет его как деятеля, который адаптирует мир к своим нуждам через концептуализацию как объектов, так и процесса их освоения, создавая внутренне взаимосвязанные, эволюционирующие при перемещении и циклично повторяющиеся схемы ориентационной деятельности.

3.2. Топонимообразование как деятельность по концептуализации опыта ориентирования в пространстве

Первичная адресная роль топонимии указывалась издавна [Суперанская, 1973, с. 274], однако в рамках структурализма трактовалась как ссылка на реалию (референция) и надделение ее формой (номинация) [Никонов, 1965, с. 62]. Контекст ориентирования акцентирует регулятивную роль имен [Копач, 2020, с. 63—65].

В географии прототипом представления о локализации топообъектов служит карта. Зеркальное отображение их на классической ландкарте сменяется в когнитивистике показом механизмов восприятия пространства, свойственных человеку [Reszegi, 2020]. Современный инструмент их описания — ментальные (когнитивные) карты, понимаемые как минимум в четырех смыслах [Kitchin, 1994, с. 1—5]. В лингвистике данные таких карт соотносятся с языковыми показателями пространственности [Grammars ..., 2006]. Учитывая непризнание нами ментальной репрезентации, мы принимаем трактовку понятия «когнитивная карта», не связанную с представлением пространства как готового гештальта. Для демонстрации предлагаемой нами конфигурации топосистемы достаточно ее толкования как гипотетической конструкции [Kitchin 1994, с 5], которую «мы создаем и используем для понимания последовательности и развития непрерывной деятельности по когнитивному картированию» [Siegel et al., 1985, с. 349].

Недостатки обращения к готовым картам видятся в их вторичности и искусственности по сравнению с естественно развиваемой топосистемой.

Географическая карта фиксирует объекты, копируя их расположение с поправкой на масштаб и устанавливая одну условную точку отсчета (ну-

левой меридиан), то есть не учитывает локальной обусловленности топонимии.

Ментальная карта моделируется через анализ нарисованных местными жителями от руки и по памяти схем движения к объектам вокруг поселения [Siegel et al., 1975, с. 25—27]. Такие схемы ограниченно представляют обыденное восприятие топообъектов, так как допускают необязательность нанесения на карты референтов всех имен, внося в анализ нежелательную опциональность трактовки данных при расхождении результатов картирования и языкового анализа: так, местный житель не распознает прозрачную мотивацию венгерского имени *Békás* ‘полный лягушек’ [Reszegi, 2020, р. 29].

Языковое представление когнитивной области ориентирования, по-видимому, не требует реализации предложения К. Ресегги [Reszegi, 2023] о предварительном построении психологической модели топонимии. Данные психологии важны на промежуточных этапах описания материала для установления корреляции языковых и внеязыковых показателей, а также при сопоставлении итогов, получаемых лингвистикой и психологией.

Моделирование ориентирования в пространстве учитывает существование объектов в двух системах координат [Бедаш, 2014; Кравченко, 2004]:

- 1) **пространственность позиции** — расположение в разных зонах значимой территории;
- 2) **пространственность ситуации** — нахождение в окружении реальных ограниченного участка местности.

Онтологичность систем подтверждается как выводами философии и лингвистики, так и данными психологии. Последняя выделяет две фазы узнавания объекта как результат работы предвнимания и фокусного внимания субъекта [Величковский, 2006, с. 193], коррелирующие с разделением потоков переработки зрительной информации на дорсальную и вентральную [Milner et al., 2006]. Это дает основания концептуализировать пространство топообъектов либо как **мелкозернистое**, связанное с восприятием всей территории освоения (1), либо как **крупнозернистое**, учитывающее сосредоточенность внимания на локальном взаимодействии объектов (2).

Из представленных вариантов концептуализации пространства та, что связана с демонстрацией **ситуации** (2), на первый взгляд, ближе к реализации целей когнитивистики. Принципиальными для последней являются понятия **фигуры** как объекта в фокусе внимания человека и **фона** как реалии, относительно которой фигура распознается: деревня *Заббаль* < река *Обаль*, деревня *Падлэссе* < лес, болото *Быхаўскае* < город *Быхаў* (ср. апеллятивный аналог: *велосипед перед домом*). Между тем применение базовой оппозиции направления к материалу заставляет выпасть из чис-

ла конвенциональных пространственных обозначений имени, которые часто связываются с кодами культуры или слоями концепта, отличными от локативных: урочище *Чарну́ха* ‘чернуха’, река *Кле́наўка* ‘кленовка’, поле *Кру́глае*, деревня *Алякса́ндраўка*. Это говорит об иерархичности пространственного знания, приоритетности отображения в нем позиции объекта относительно иных реалий перед нетипичным поиском местоположения по признакам и принадлежности.

Наше обращение к *позиции* (1) как конститутивному аспекту функционирования топонимической системы помимо неоправданного игнорирования иерархичности последней при ситуационном описании объясняется также причинами, выходящими за границы фигуго-фоновых отношений и связанными с обыденной оценкой человеком расстояния от точки начала его движения к объектам. Анализ топонимобразования (*Філі́пенскае вóзера* < деревня *Філі́пенкі*, поле *Ку́калеўка* < фамилия *Ку́каль*, дорога *Млыно́вый шлях* < *млын* ‘мельница’) показывает, что восприятие ситуаций, стоящих за актами топонимации, ограничено территорией, наблюдаемой субъектом, и не учитывает их включенности в его деятельность за этими пределами.

Итак, крупнозернистая концептуализация (2) локализует объект относительно другой реалии, но не вписывает его в целостную систему ориентирования, что фрагментирует пространственную перспективу на обособленные сцены (zoom in), задаваемые пестрым спектром признаков. Ее мелкозернистая альтернатива (1) учитывает способность субъекта наблюдать за фигуго-фоновыми отношениями смежных объектов и устанавливать координацию этих комплексов. Ограниченные несколькими объектами участки наблюдения отодвигаются на задний план (zoom out), пространственная перспектива расширяется до всей значимой территории. Важную роль приобретает фактор удаленности топонимических объектов от точки, с которой субъект наблюдает объекты и оценивает их досягаемость.

3.3. Моделирование системы отсчета для описания естественной топонимии

Антропоцентрическая наука рассматривает пространство как организованное вокруг субъекта [Гак, 2000, с. 127]. Локальный в своих истоках и естественный характер формирования топонимии фиксирует многочисленные «нулевые» точки системы ориентирования в окрестностях места проживания субъекта, что подтверждается

— заключениями лингвистов о первоначальном развитии имен в ограниченном пространстве вокруг поселения [Березович, 2009, с. 192—194; Ермошкина, 2022, с. 138];

— фактами функционирования минимальных единиц топонимии, омонимичных географическим терминам, названиям объектов быта и качеств

человека, исключительно в микротопонимии: *Рэчка* < *рэчка* ‘небольшая река’, озеро *Подкова* ‘в форме подковы’, болото *Сідзень* < *сідзень* ‘мало-подвижный человек’;

— свидетельства ученых о родине как знакомом и достижимом пространстве включения в деятельность [Кравченко, 2004, с. 61—63; Хайдегер, 2015, с. 134].

Для описания языковых способов представления ориентирования в пространстве посредством апеллятивных (предлогов и др.) [Grammars ..., 2006] и проприальных средств локализации объектов (лишь теоретически сформулировано [Reszegi, 2023]) антропологи и лингвисты обращаются к системам референции С. Левинсона [Grammars ..., 2006, с. 19—22].

Сам автор скептически оценивает потенциал их использования в топонимии ввиду неспособности имен, в отличие от апеллятивов, отражать угловые спецификации относительно оси тела [Levinson, 1992, с. 30]. Преодоление помехи на пути к использованию этих систем лежит, видимо, в допущениях обработки имен, обусловленных спецификой топонимии

а) как класса имен, стремящегося к утрате компонентов когнитивной схемы «источник — путь — цель» [Копач, 2020, с. 101];

б) как когнитивной области, способной к эволюции за пределы исходной модели.

3.4. Базисная модель категоризации географических объектов и ее расширение

Семантику размещения объекта на местности в апеллятивах выражают предлоги, префиксы, относительные и качественные прилагательные, описывающие пространственные понятия. Именно они фиксируются в топонимах Беларуси, реализуя три системы референции:

встроенная — лес *Пад бора́м* < пад ‘под’, бор ‘сосновый лес’ (1), поселок *Зага́й* < за, гай ‘роща’ (2);

урочище *Заго́р’е* < гара ‘гора’ (3), болото *Зало́жнае* < лог ‘суходольный луг’ (4);

урочище *Падво́йстраўка* < *войстраў* ‘остров’ (5), поле *Падато́чыцы* < поле *Ато́чыца* (6);

мост *Вы́дрыцкі мост* < река *Вы́дрыца* (7), лес *Бала́бскі лес* < деревня *Бала́ба* (8);

относительная — деревни *Масты Левыя* (9), *Масты Правыя* (10) < город *Масты*;

абсолютная — деревни *Паўднё́вае Гняздзілава* (11), *Паўно́чнае Гняздзілава* (12), *Верхні Млынок* (13), *Ніжнія Пагараны* (14).

Приведенные примеры указывают на пространственное размещение объекта посредством конвенциональных языковых средств, описывая его

положение относительно другой реалии: **ср.** апеллятивы с тем же значением *над гарой, залёссе, мазы́рські за́мак, пра́вы бок, паўднёвыя мо́гілкі*.

Для имен, описывающих образные и природные характеристики объекта, его принадлежность человеку, ориентирующая функция оказывается вторичной, небазисной: поле *Дуга́*, лес *Дубро́ва*, заросли *Аге́енкавы кусты*, болото *Жа́ркае*.

Сведение пространственной семантики имен к трехчастной классификации требует комментария о специфике отображения систем референции в топонимии.

Показателями обращения к **встроенной системе** в апеллятивах являются слова типа *перед, зад, лицо*, реферирующие к реалии с перспективы другого объекта (фона), который воспринимается как имеющий ось ориентации, и присущие такому его пониманию имманентные характеристики: *перед дома, лицевая сторона паспорта*. В примерах 1—2 фоновые объекты (бор, ро́ща) не обладают такими свойствами, но референция, судя по отсутствию в именах фигур показателей типа номинируемого объекта (лес, покос), осуществляется по отношению не к реалии, а к участку территории, контролируемому фоном. Фактически это отсылка к пространству, которое мыслится принадлежащим фоновой реалии и упоминания которого достаточно для описания маршрута движения в него или расположения в нем. Следовательно, референтные точки уровня 1 в пределах системы — объекты с типичными для микротопонимии именами *Бор, Гай*, относительно которых субъект позиционирует топообъекты (1—2).

Примеры 3—8 свидетельствуют о развитии единиц встроенной системы от фиксации принадлежности реалии пространству другого объекта (3—6) до приобретения ими «автономии» по мере центробежного перемещения из «нулевой» точки (7—8). Выход за пределы микротопонимии способствует, во-первых, утрате именами локативных показателей; во-вторых, переходу от передачи в имени движения в сторону референта (*за гай*) или расположения последнего относительно реалии (*над бо́рам*) к представлению референта как точки, которая располагается вблизи другой реалии, но обретает объектный статус и не воспринимается как часть ее внутреннего пространства. Так, в примерах 7—8 наблюдаются указания как на объект (*мост, лес*), так и на фон (*Выдры́ца, Балаба*). Референтные позиции перемещаются из доступной для наблюдения зоны (см. точки уровня 1) в места, достижимые через выход за ее пределы, и располагаются в ближайшем окружении именуемой реалии — точках уровня 2.

Относительная система референции отражена в именах с элементами *передняя — задняя, левая — правая* (9—10). Для таких топонимов характерна «двойная» пространственная отнесенность: исходную встроенную

систему (размещение вблизи г. *Масты*) расширяет противопоставление референтов имен поселений, указывающее на положение тела человека относительно латеральной (*Масты Левыя, Масты Правыя*) или фронтальной оси. Имена расположенных по берегам реки *Неман* деревень отсылают к референтной точке уровня 3 — ориентиру, достижимому при перемещении мимо них по реке в направлении города.

Абсолютная система референции отражена в именах с элементами *северный — южный, верхний — нижний* (11—14). Пары также связаны «двойной» пространственной семантикой, указывая на оппозицию объектов одного вида и независимые от человека способы ориентации — стороны света (11—12), значимые характеристики ландшафта типа участков рек (13—14). Референтные точки находятся в пределах встроенных в пространства друг друга именуемых реалий, но расширяющая эту встроенность семантика выносится за пределы привязки к точечным объектам.

Описанные единицы базисной модели ориентирования демонстрируют обусловленность грамматики имен расположением относительно референтных точек системы и преимущественно встроенный характер референции топонимов, что позволяет представить топосистему как сеть, связывающую ключевые ориентиры перемещения местного населения в значимом для себя пространстве.

Топосистема помимо центра (поселение) и единиц базисной модели включает имена, задающие ее первые референтные точки (топонимы, соотносимые с метафорами и географическими терминами), и единицы, не способные регулировать перемещение в обыденном пространстве, — имена крупных и длинных объектов типа рек (линий), малопригодные в качестве ориентира для небольших реалий (точек) [Кравченко, 2004, с. 42]. Это объясняет сложность отграничения первых от нарицательной лексики (*Бор, Слабада; Што́нікі*) и затемненность внутренней формы вторых (*Днепр, Нёман*).

Формализация единиц топосистемы и показ непрерывности семантики в цепи переходов от предыдущей формы к последующей возможна на основе грамматики конструкций [Berkeley ...], признающей рекурсивное обозначение объектов когнитивной области некомпозиционными, регулярными, связанными между собой структурами. Представим их в виде формул, сопровождаемых примерами:

«**Prep N**»: болото *Пад лу́гам*, дорога *Замі́шка* < літ. *miškas* ‘лес’, лог у *куткú* ‘в углу’;

«**Pref N suf**»: лес *Міжбро́ддзе* ‘межбродье’, деревня *Узрэ́чка* ‘приречье’, урочище *Заго́р’е* ‘загорье’;

«**1 AN**»: деревня *Га́цец* < гать ‘гать’, покос *Ю́хнові́цка* < деревня *Ю́хнавічы*, река *Бярвэ́нка* < деревня *Бярві́*;

«2 AN»: болото *Грэза Вёрхняя* < река *Грэза*, деревня *Кáпліцкі Вараты́н* < деревня *Каплічы*, деревня *Саму́йлавічы Го́рныя* < деревня *Саму́йлавічы*;
«(N [xA]) | (1 AN) | (2 AN)»: поле *Гара́* ‘гора’, болото *Лужо́к*.

Указанные холистические единицы демонстрируют как связь объектов с окружением, так и обыденную оценку расстояния от центра до реалий. Конструкции являются абстрактными схемами ориентирования, конкретизируемыми через кластеризацию и привлечение единичных свойств объектов (соседняя реалья, размер, фауна и др.) на местном уровне. Схемы обладают

- а) укорененностью при регулярной реализации базисной модели;
- б) расширяемостью при образовании имен через аналоги-образцы, конвенционально не связанные с передачей пространственной семантики, но под «принуждением» системы воспроизводящие структуру базисных единиц.

4. Заключение = Conclusions

1. Исследование географических имен как знаков, используемых в адаптивной ориентационной деятельности, отличается от когнитивных подходов к топонимии, которые нацеливаются на репрезентацию перцептивных свойств реалий субъектом-наблюдателем и недооценивают моторику освоения им значимой территории. Демонстрации принципов постижения пространства топообъектов субъектом-дейтелем содействует представление их не через список лексем с широким диапазоном значений основ, изучаемых на одном уровне, а как сеть холистических грамматических единиц, отражающих иерархичность и постепенность выстраивания пространственного знания. Философская основа такого описания ориентирования — теория воплощенного познания, основанная на идеях феноменологии.

2. Сосредоточенность наблюдателя на небольшом участке территории концептуализирует пространство как крупнозернистое, реализуемое через восприятие многочисленных фигуρο-фоновых ситуаций взаимодействия объектов. Такой узколокальный контекст именования не объясняет появления непространственных форм в топонимии и не учитывает встроенности всех имен в когнитивную область ориентирования. Мелкозернистая концептуализация территории деятелем выходит за пределы отношений смежных объектов, дефрагментирует пространственную перспективу и координирует связи фигуρο-фоновых ситуаций между собой для генерации целостной топосистемы, конститутивный фактор которой — позиция. Естественный характер развития системы имен подчеркивает отличия ее порождения от искусственных репрезентаций пространства — объектив-

ной на географических ландкартах и субъективной на ментальных картах-схемах.

3. Выявление референтных точек пространства, относительно которых субъект позиционирует топообъекты, осуществляется на основе междисциплинарных свидетельств о позиции субъекта и языковых типов имен, характерных для его окружения («нулевая»), а также данных систем пространственной референции (уровни 1—3). Учет специфики топонимов как знаков, семантика которых постепенно упрощается до индексального указания на фон и выходит за рамки типичного для апеллятивов представления местоположения реалий, обосновывает вовлечение систем референции С. Левинсона в исследование пространственной семантики как экзотических имен-нарративов, так и европейских топонимов-номинативов.

4. Закономерности трансформации грамматической семантики целостных имен, наблюдаемые при центробежном перемещении из центра пространства топообъектов, представляют ориентирование как процесс, зависимый от позиций реалий относительно референтных точек пространства. Показатели встроенной, относительной, абсолютной систем референции коррелируют с именами, лингвистически выражающими расположение объекта относительно другого объекта, что квалифицирует их как единицы базисной модели. Расширение последней осуществляется через вовлечение в ориентирование менее значимых объектов, непространственные характеристики которых по аналогии интегрируются в структуру базисных единиц.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. БКБ — *Блакітная кніга Беларусі* : энцыклапедыя. — Мінск : БелЭн, 1994. — 415 с.
2. МБ — *Мікратапанімія Беларусі*. Матэрыялы. — Мінск : Навука і тэхніка, 1974. — 328 с.
3. ННП — *Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь* : нарматыўны даведнік. — Мінск : Тэхналогія, 2003—2010. — Ч. 1—6.
4. ТФ — *Торфяной фонд Белорусской ССР* : Кадастровый справочник. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. — Минск, 1979. — Ч. 1—10.

Литература

1. Бакшеева М. Г. Пространственная модель верх-низ в микропонимии нижне-го Прииртышья / М. Г. Бакшеева, Ю. В. Исламова // *Лингвокультурология*. — 2021. — № 15. — С. 20—29.
2. Бедаш Ю. А. Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти / Ю. А. Бедаш // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2014. — № 4. — С. 211—218.

3. *Беляев А. Н.* О топонимическом концепте / А. Н. Беляев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 1 (423). — С. 13—21. — DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10102.

4. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек / Е. Л. Березович. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 328 с. — ISBN 978-5-397-00101-4.

5. *Быканова В. И.* Доминантные пространственные концепты / В. И. Быканова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2011. — № 1. — С. 217—220.

6. *Васильева Т. Ю.* Ойконимы Витебщины и Могилевщины, объективирующие пространственный код культуры : сопоставительный аспект / Т. Ю. Васильева // Региональная ономастика : проблемы и перспективы исследования. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. — С. 52—56.

7. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2 томах / Б. М. Величковский. — Москва : Академия, 2006. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 5-7695-2984-9.

8. *Гак В. Г.* Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 127—134.

9. *Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1998. — 232 с. — ISBN 5-7186-0338-3.

10. *Гребнева А. М.* Пространственная лексика и её роль в формировании мордовской топонимической системы / А. М. Гребнева, Н. В. Казаева, Г. А. Натуральнова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 559—567. — DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-559-567.

11. *Гуссерль Э.* Идея феноменологии: пять лекций / Э. Гуссерль. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-93762-191-7.

12. *Ермошкина Г. Ф.* Микротопонимия Смоленской области : географический аспект / Г. Ф. Ермошкина // Географическая среда и живые системы. — 2022. — № 4. — С. 129—144. — DOI: 10.18384/2712-7621-2022-4-129-144.

13. *Жаров А. Н.* Бытие и пространство : трансцендентальная перспектива / А. Н. Жаров // Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности. — Москва : ИФРАН, 2014. — С. 5—30. — ISBN 978-5-9540-0262-1.

14. *Зверева Ю. В.* Отражение пространственной модели «верх/низ» в микротопонимии Пермского края / Ю. В. Зверева // Philological Studies. — 2019. — № 17 (2). — С. 123—136. — DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-2-123-136.

15. *Ковлакас Е. Ф.* К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте / Е. Ф. Ковлакас // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — № 13 (4). — С. 326—354. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.

16. *Кондратьева Т. С.* Лексико-семантическая вербализация концепта «пространство» (на материале топонимии Южно-Якутского региона) / Т. С. Кондратьева, Л. А. Яковлева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 11—5. — С. 991—993.

17. *Копач А. І.* Тапанімічная прастора Беларусі ў кагнітыўным аспекце (на матэрыяле назваў топааб'ектаў натуральнай намінацыі) / А. І. Копач. — Мінск : БДУ, 2020. — 223 с. — ISBN 978-985-566-851-1.

18. *Королева И. А.* Коды культуры в топонимии Рославльского района Смоленской области / И. А. Королева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Серия : Филология, педагогика, психология. — 2020. — № 1. — С. 40—47.

19. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие : когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 2004. — 206 с. — ISBN 5-7430-0412-9.
20. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — Москва : Ювента, Наука, 1999. — 608 с. — ISBN 978-5-02-026807-4.
21. *Никонов В. А.* Введение в топонимику / В. А. Никонов. — Москва : Наука, 1965. — 184 с.
22. *Риццоллатти Дж.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / Дж. Риццоллатти, К. Синигалья. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0561-1.
23. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : URSS, 1973. — 366 с.
24. *Фаликман М. В.* Когнитивная наука : основоположения и перспективы / М. В. Фаликман // Логос. — 2014. — № 1 (97). — С. 1—18.
25. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — Москва : Академический проект, 2015. — 460 с. — ISBN 978-5-8291-1791-7.
26. *Шевчук О. П.* Топонимический код культуры (на материале китайского языка) / О. П. Шевчук // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 13 (4). — С. 253—258.
27. *Berkeley construction grammar* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html> (accessed 01.08.2004).
28. *Cogos S.* Sami Place Names and Maps: Transmitting Knowledge of a Cultural Landscape in Contemporary Contexts / S. Cogos, M. Roué, S. Roturier // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. — 2017. — Vol. 49. — № 1. — Pp. 43—51. — DOI:10.1657/AAAR0016-042.
29. *Gallagher Sh.* Embodied and Enactive Approaches to Cognition / Sh. Gallagher. — Cambridge : Cambridge University Press, 2023. — 84 p.
30. *Grammars of space : Explorations in cognitive diversity* / S. C. Levinson, D. B. Wilkins, E. Schultze-Berndt, W. B. McGregor, G. Senft, P. Brown, J. Bohnemeyer, C. Stolz, S. Meira, F. K. Ameka, J. Essegbey, E. Pederson, S. Kita, M. van Staden, M. Bowerman, M. Verhelst. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 621 p. — ISBN 978-0521671781.
31. *Kitchin R. M.* Cognitive maps : What are they and why study them? / R. M. Kitchin // Journal of Environmental Psychology. — 1994. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80194-X.
32. *Leino A.* Place-Names as Constructions / A. Leino // Onoma : Journal of The International Council of Onomastic Sciences. — 2006. — Vol. 41. — Pp. 215—235. 10.2143/ONO.41.0.2119617.
33. *Levinson S. C.* Primer for The Field Investigation of Spatial Description and Conception / S. C. Levinson // Pragmatics. — 1992. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 5—47. — DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.2.1.02lev>.
34. *Milner D.* The Visual Brain in Action / D. Milner, M. Goodale. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 320 p. — ISBN 978-0198524724.
35. *Noë A.* Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from The Biology of Cognition / A. Noë. — New York : Farrar, Straus & Giroux, 2010. — 232 p. — ISBN 978-0809016488.
36. *O'Regan J. K.* a sensorimotor account of vision and visual consciousness / J. K. O'Regan, A. Noë // Behavioral and Brain Sciences. — 2001. — Vol. 24. — № 5. — Pp. 939—973. — DOI: 10.1017/S0140525X01000115.

37. *Reszegi K.* Places in Mind : Investigating the Link Between Language and Spatial Concepts / K. Reszegi // Proceedings of the 27th International Congress of Onomastic Sciences : Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Keynote Lectures. Toponomastics, Kraków, 22—27.08.2021. — Kraków : Jagiellonian University Press, 2023. — Pp. 489—508.

38. *Reszegi K.* Toponyms and spatial representations / K. Reszegi // Onomastica. — 2020. — Vol. LXIV. — Pp. 23—39. — DOI: 10.17651/ONOMAST.64.4.

39. *Siegel A. W.* The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments / A. W. Siegel, S. H. White // Advances in Child Development and Behavior. — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 9—55. — DOI: 10.1016/s0065-2407(08)60007-5.

40. *Siegel A. W.* The symbolizing and symbolized child in the enterprise of cognitive mapping / A. Siegel, J. H. Cousins // The development of spatial cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers, 1985. — Pp. 347—368. — ISBN 978-0898595437.

41. *Stolz T.* Grammatical versus onymic classifiers: first thoughts about a potentially interesting topic / T. Stolz, N. Levkovych // Aspects of the grammar of names. Empirical case studies and theoretical topics. — Munich : LINCOM Europa, 2020. — Pp. 167—180. — ISBN 978-3969390078.

42. *Ursini F. A.* Place and place names : a unified model / F. A. Ursini, Y. S. Zhang // Frontiers in Psychology. — 2023. — № 14. — Pp. 1—26. — DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1237422.

43. *Van Langendonck W.* Theory and Typology of Proper Names / W. Van Langendonck. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2007. — 378 p. — ISBN 978-3110190861.

44. *Varela F. J.* The Embodied Mind : Cognitive Science and Human Experience / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. — Cambridge : The MIT Press, 1991. — 308 p. — ISBN 978-0262720212.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024,
одобрена после рецензирования 19.02.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

Material resources

BKB — *The Blue Book of Belarus: encyclopedia.* (1994). Minsk: BelEn Publ. 415 p. (In Belar.).

MB — *Microtoponymy of the Republic of Belarus. Materials.* (1974). Minsk: Navuka i tehnik. 328 p. (In Belar.).

NNP — *Names of settlements in Republic of Belarus: narmatyuny davednik, 1—6.* (2003—2010). Minsk: Tehnalogiya. (In Belar.).

TF — Peat fund of the Byelorussian SSR: Cadastral directory. (1979). *As of January 1, 1978, according to the state of intelligence, 1—10.* (In Russ.).

References

Baksheeva, M. G., Islamova, Yu. V. (2021). The spatial model of top-bottom in the microtoponymy of the lower Irtysh region. *Linguoculturology*, 15: 20—29. (In Russ.).

Bedash, Yu. A. (2014). Analysis of space in the phenomenology of Edmund Husserl and Maurice Merleau-Ponty. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 4: 211—218. (In Russ.).

Belyaev, A. N. (2019). On the toponymic concept. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1 (423): 13—21. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10102. (In Russ.).

- Berezovich, E. L. (2009). *Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: space and man*. Moscow: LIBROCOM. 328 p. ISBN 978-5-397-00101-4. (In Russ.).
- Berkeley construction grammar*. Available at: <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html> (accessed 01.08.2004).
- Bykanova, V. I. (2011). Dominant spatial concepts. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State University. Humanities and social sciences*, 1: 217—220. (In Russ.).
- Cogos, S., Roué, M., Roturier, S. (2017). Sami Place Names and Maps: Transmitting Knowledge of a Cultural Landscape in Contemporary Contexts. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*, 49 (1): 43—51. DOI:10.1657/AAAR0016-042.
- Ermoshkina, G. F. (2022). Microtoponymy of the Smolensk region: a geographical aspect. *Geographical environment and living systems*, 4: 129—144. DOI: 10.18384/2712-7621-2022-4-129-144. (In Russ.).
- Falikman, M. V. (2014). Cognitive science: fundamentals and prospects. *The logo*, 1 (97): 1—18. (In Russ.).
- Gak, V. G. (2000). Space outside space. In: *Logical analysis of language. Languages of spaces*. Moscow: Languages of Russian Culture. 127—134. (In Russ.).
- Gallagher, Sh. (2023). *Embodied and Enactive Approaches to Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press. 84 p.
- Golomidova, M. V. (1998). *Artificial nomination in Russian onomastics*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 232 p. ISBN 5-7186-0338-3. (In Russ.).
- Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. (2006). Cambridge: Cambridge University Press. 621 p. ISBN 978-0521671781.
- Grebneva, A. M. (2019). Spatial vocabulary and its role in the formation of the Mordovian toponymic system. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 13 (4): 559—567. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-559-567. (In Russ.).
- Heidegger, M. (2015). *Being and time*. Moscow: Academic Project. 460 p. ISBN 978-5-8291-1791-7. (In Russ.).
- Husserl, E. (2023). *The idea of phenomenology: Five lectures*. Saint Petersburg: Academy of Humanities. 320 p. ISBN 978-5-93762-191-7. (In Russ.).
- Kitchin, R. M. (1994). Cognitive maps: What are they and why study them? *Journal of Environmental Psychology*, 14 (1): 1—19. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80194-X.
- Kondratieva, T. S., Yakovleva, L. A. (2016). Lexico-semantic verbalization of the concept of “space” (based on the toponymy of the South Yakut region). *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 11—5: 991—993. (In Russ.).
- Kopach, A. I. (2020). *Toponymic space of Belarus in a cognitive aspect (based on the names of topographic objects of natural naming)*. Minsk: BDU. 223 p. ISBN 978-985-566-851-1. (In Belar.).
- Koroleva, I. A. (2020). Cultural codes in the toponymy of the Roslavl district of the Smolensk region. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 1: 40—47. (In Russ.).
- Kovlakas, E. F. (2021). On the issue of studying toponyms in the cognitive aspect. *Modern studies of social problems*, 13 (4): 326—354. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354. (In Russ.).
- Kravchenko, A. V. (2004). *Language and perception: Cognitive aspects of linguistic categorization*. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House. 206 p. ISBN 5-7430-0412-9. (In Russ.).

- Leino, A. (2006). Place-Names as Constructions. *Onoma: Journal of The International Council of Onomastic Sciences*, 41: 215—235. 10.2143/ONO.41.0.2119617.
- Levinson, S. C. (1992). Primer for The Field Investigation of Spatial Description and Conception. *Pragmatics*, 2 (1): 5—47. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.2.1.02lev>.
- Merleau-Ponty, M. (1999). *Phenomenology of perception*. Moscow: Juventus, Nauka Publ. 608 p. ISBN 978-5-02-026807-4. (In Russ.).
- Milner, D., Goodale, M. (2006). *The Visual Brain in Action*. Oxford: Oxford University Press. 320 p. ISBN 978-0198524724.
- Nikonov, V. A. (1965). *Introduction to toponymy*. Moscow: Nauka Publ. 184 p. (In Russ.).
- Noë, A. (2010). *Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from The Biology of Cognition*. New York: Farrar, Straus & Giroux. 232 p. ISBN 978-0809016488.
- O'Regan, J. K., Noë, A. (2001). A sensorimotor account of vision and visual consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*, 24 (5): 939—973. DOI: 10.1017/S0140525X01000115.
- Reszegi, K. (2020). Toponyms and spatial representations. *Onomastica*, LXIV: 23—39. DOI: 10.17651/ONOMAST.64.4.
- Reszegi, K. (2023). Places in Mind: Investigating the Link Between Language and Spatial Concepts. In: *Proceedings of the 27th International Congress of Onomastic Sciences: Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Keynote Lectures. Toponomastics*, Kraków, 22—27.08.2021. Kraków: Jagiellonian University Press. 489—508.
- Rizzolatti, J., Sinigaglia, K. (2012). *Mirrors in the brain. On the mechanisms of joint action and empathy*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 208 p. ISBN 978-5-9551-0561-1. (In Russ.).
- Shevchuk, O. P. (2021). The toponymic code of culture (based on the Chinese language). *Modern pedagogical education*, 13 (4): 253—258. (In Russ.).
- Siegel, A. W., Cousins, J. H. (1985). The symbolizing and symbolized child in the enterprise of cognitive mapping. In: *The development of spatial cognition*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers. 347—368. ISBN 978-0898595437.
- Siegel, A. W., White, S. H. (1975). The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments. In: *Advances in Child Development and Behavior*. New York: Academic Press. 9—55. DOI: 10.1016/s0065-2407(08)60007-5.
- Stolz, T., Levkovych, N. (2020). Grammatical versus onymic classifiers: first thoughts about a potentially interesting topic. In: *Aspects of the grammar of names. Empirical case studies and theoretical topics*. Munich: LINCOM Europa. 167—180. ISBN 978-3969390078.
- Superanskaya, A. V. (1973). *General theory of proper names*. Moscow: URSS. 366 p. (In Russ.).
- Ursini, F. A., Zhang, Y. S. (2023). Place and place names: a unified model. *Frontiers in Psychology*, 14: 1—26. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1237422.
- Van Langendonck, W. (2007). *Theory and Typology of Proper Names*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 378 p. ISBN 978-3110190861.
- Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (1991). *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge: The MIT Press. 308 p. ISBN 978-0262720212.
- Vasilyeva, T. Y. (2022). Oikonyms of Vitebsk and Mogilev regions objectifying the spatial code of culture: a comparative aspect. In: *Regional onomastics: problems and prospects of research*. Vitebsk: Masherov Moscow State University. 52—56. (In Belar.).

- Velichkovsky, B. M. (2006). *Cognitive science: Fundamentals of the psychology of cognition: in 2 volumes, 1*. Moscow: Akademiya Publ. 448 p. ISBN 5-7695-2984-9. (In Russ.).
- Zharov, A. N. (2014). Being and space: a transcendental perspective. In: *Space as a transcendental prerequisite for cognition of reality*. Moscow: IFRAN. 5—30. ISBN 978-5-9540-0262-1. (In Russ.).
- Zvereva, Yu. V. (2019). Reflection of the spatial model “top/bottom” in the microtoponymy of the Perm region. *Philological Studies*, 17 (2): 123—136. DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-2-123-136. (In Russ.).

*The article was submitted 01.11.2024;
approved after reviewing 19.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.*